

ИОГАНН ФРИДРИХ
ГЕРБАРТ

ПСИХОЛОГИЯ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Иоганн Фридрих Гербарт

Психология

«Территория будущего»

Герbart И.

Психология / И. Герbart — «Территория будущего»,

Базовые конструктивные особенности философии Герbart можно рассматривать как результат использования исторически доступных его философско-теоретических средств для решения неутешительного парадокса, которым оборачивается для педагогики концепция трансцендентальной свободы. Однако следует учитывать, что Герbart движется не путем отбрасывания идеи трансцендентальной свободы и трансцендентального субъекта, а путем их воплощения в эмпирическом индивиду. Или, как формулирует сам Герbart: «разум, которому он повинуетя, и желание, которое раздражает и обольщает его, в действительности находятся не вне его, но в нем, и сам он ничуть не третий наряду с теми двумя, но в этих двух заключается и действует его собственная душевная жизнь». В книгу включены работы Герbart «Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике» (извлечения) и «Учебник психологии».

Содержание

Виталий Куренной	5
Канон и фактическая история философии	5
Биография	8
Основные особенности философской психологии и философско-педагогической теории Гербарта	11
Предисловие к русскому переводу	21
О возможности и необходимости применять в психологии математику	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иоганн Фридрих Герbart Психология

Виталий Куренной Философско-педагогическая концепция Герbartа в историческом и проблемном контексте

Канон и фактическая история философии

Судьба философского наследия Иоганна Фридриха Герbartа (1776–1841) в истории философии является образцовым примером превратностей и странностей историко-философского канона. Герbart, современник Шеллинга (1775–1854) и Гегеля (1770–1831), ученик Фихте (1762–1814), является в нынешней истории философии малозаметной фигурой второго, а то и третьего плана, затерявшейся где-то за спинами своих именитых коллег.

Но если не в философии, то, по меньшей мере, в педагогике Герbart является неизменно актуальной фигурой: его труды современные отечественные историки педагогики называют «первым опытом научного построения педагогической теории»¹. Если сравнить влияние Герbartа и трех названных представителей немецкого абсолютного идеализма, то можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. научная значимость Герbartа в немецкоязычной педагогической культуре была все еще неоспорима², тогда как наследие названных мыслителей только отличалось в форму философской «классики». Но «герbartианцы» – это не только последователи педагогических идей Герbartа³, это еще и мощнейшее направление в немецкой философской психологии XIX в., стремившееся реализовать программу психологии как «строгой» – объясняющей и математизированной – науки. Таким образом, мы имеем здесь замечательный пример несовпадения фактической влиятельности мыслителя, интенсивности его «истории воздействия» и его положения в препарированном историко-философском каноне.

Наследие Герbartа формирует, однако, не только стоящую особняком школу, но и актуализируется в других контекстах. В частности, Матиас Хеш замечает, что «мышление Брентано представляет своеобразную смесь из идеализма и реализма, сквозным образом осмысленного в категориях Герbartа»⁴. Познакомившись с базовыми выкладками и схемами психологии Герbartа, нетрудно обнаружить также преемственность модели психики Герbartа и Фрейда: «вытеснение» представлений, «порог сознания», «бессознательное» – вся эта динамическая модель психики, в которой разворачивается борьба представлений, разработана именно Герbartом.

¹ История педагогики и образования: От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века/Под ред. А. И. Пискунова. М.: ТЦ Сфера, 2009. С. 291. Наличие в цитируемой работе замечательного обзора педагогических идей Герbartа избавляет нас от необходимости подробно освещать их в настоящей статье.

² Я. Колубовский, автор статьи о Герbartе в Словаре Брокгауза и Эфрона, замечает: «Почти все немецкие учителя современной Германии и Австрии причисляют себя к одной из двух партий – к герbartианцам или последователям Бенеке» [<http://www.brosgaus.ru/text/027/642.htm>]. Цитированная статья в крайне сжатом и при этом весьма корректном виде дает изложение основных положений философии и педагогики Герbartа.

³ Не только в Германии. Об истории проникновения герbartианства, в частности, в США см.: *Harold B. Dunkel*. *Herbartianism Comes to America* //History of Education Quarterly. 1969. Vol. 9. No. 2. P. 202–233 (Part I); 1969. No. 3. P. 376–390 (Part II).

⁴ *Heesch Matthias*. *Johann Friedrich Herbart zur Einführunf*. Hamburg: Junius, 1999. S. 101.

Символическим образом обращение к философии Гербарта в Германии 1850-х оформило один из базовых внутренних конфликтов современной философии как таковой. Именно в этот период обнаружилось драматическое расхождение между профессиональной университетской философией и философией «популярной»⁵, которое было определено современниками в форме «антитезы Шопенгауэр – Герbart»: «Эстетическим, жизненно-мировоззренческим интересам публики (*Öffentlichkeit*) противопоставляется программа строго «научной» университетской философии, которая, прежде всего, должна внимательно следить за четким разделением чистой теории и общественно-политических интересов, не смешивая тем самым научное и популярное мышление»⁶.

Что касается интереса к Герbartу в России, то его актуализацию можно наблюдать в конце XIX – начале XX вв. А. В. Адольф в своем кратком очерке жизни и деятельности Гербарта замечает: «В русской педагогической литературе интерес к Герbartу выразился в нескольких журнальных статьях популярного характера; едва ли также может быть речь о заметном и сознательно проведенном влиянии его на педагогическую практику нашей школы».⁷ В настоящем томе воспроизводится издание, подготовленное Александром Нечаевым (не только переводчиком, но и автором работ по педагогической психологии) и изданное с предисловием А. Введенского в 1895 г. Цель издания состояла в том, чтобы представить на русском языке «полный курс психологии Гербарта». Таким образом, на русском языке благодаря усилиям дореволюционных переводчиков были представлены (в сокращенном виде) основные педагогические и психологические работы Гербарта. В воспроизводимом здесь издании переводов Нечаева представлена программная статья «О возможности и необходимости применять в психологии математику», извлечения из наиболее объемной и сложной работы Гербарта «Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике», а также «Учебник психологии». Психологические работы, подобранные Нечаевым, дают также некоторое представление о метафизике Гербарта⁸. Из основных разделов философии Гербарта на русском языке оказалась обделена вниманием его практическая философия⁹.

Задачу нижеследующего предисловия составляет краткая характеристика основных особенностей философско-педагогической концепции Гербарта, для понимания генезиса которой будут изложены основные события его биографии¹⁰. Прояснение этих узловых моментов, надеюсь, поможет снизить герменевтический барьер между наследием Гербарта и современным читателем, показав, каким образом даже столь странная затея, как нагромождение никому так

⁵ Клаус Кёнке, описавший данный примечательный эпизод, связывает это расхождение, в первую очередь, с последствиями мартовской революции 1848 г., а именно со стремлением «университетской философии уклониться от любых политических постановок проблем и позиций» (*Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 112*). Но при этом отмечается и фактор дифференциации «кругов влияния» профессиональной и популярной философии по причине изменений медийно-коммуникативной среды и структур формирования общественного мнения (ср. S. 116–117).

⁶ *Köhnke. Op. cit. S. 121.*

⁷ Главнейшие педагогические сочинения Йог. Гербарта в систематическом изложении. (Педагогическая библиотека, издаваемая К. Тихомировым и А. Адольфом. Выпуск XIV.) М.: Издание К. Тихомирова, 1906. С. XIV.

⁸ Нельзя не отметить также квалифицированные примечания Нечаева к его переводу психологических сочинений Гербарта, ставящие высказывания автора в более широкий контекст его систематических построений.

⁹ За исключением небольшого отрывка из работы 1804 г. «Эстетическое представление о мире как главная задача воспитания», опубликованном в подборке педагогических сочинений Гербарта (Главнейшие педагогические сочинения Йог. Гербарта. 1906. 0.351–351). Наиболее полное представление об эстетике можно получить из систематического свода философии Гербарта «Учебник для введения в философию» (*Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie // Herbart J. F. Sämtliche Werke, in chronologischer Reihenfolge hrsg. von K. Kehrbach und O. Flügel, 19 Bde., Langensala 1887–1912 (репринт: Aalen, 1989). Bd. IV. S. 1-294*)

¹⁰ Наиболее подробная биография Гербарта: *Asmus WJohann Friedrich Herbart. Eine pädagogische Biographie. 2 Bde, Heidelberg, 1968/1970*. В настоящем изложении мы следуем краткому биографическому очерку, представленному в работе Матиаса Хеша.

и не приготившихся математических формул, является весьма продуманным проектом в контексте той проблематики, которая сложилась в немецкой философии первой трети XIX в.

Биография

Гербарт родился 4 мая 1776 г. в городе Ольденбург. Он был единственным сыном в семье юриста Томаса Герхарда Гербарта. Образованием сына занималась главным образом его мать Луция Маргарита Гербарт. Первоначально оно было домашним, причем особое внимание уделялось обучению танцам и музыке. Гербарт стал не только очень хорошим пианистом, он также играл на других инструментах и немного сочинял (некоторые из его музыкальных сочинений даже были изданы).

В 1778 г. Гербарт поступает в местную гимназию, где приобретает прекрасное знание древних языков и широкое историческое образование, а также знакомится с философией своего времени, находясь, как и все философы его поколения, под влиянием Канта. Критическая полемика с Кантом, на интерпретацию которого у Гербарта сильно повлияло его последующее обучение у Фихте, продолжалась затем на всем протяжении его жизни.

Матиас Хеш отмечает, что уже в эти ранние годы отчетливо обнаружилась склонность Гербарта к «этическому и политическому консерватизму». Эти понятия, действительно, отражают не только набор его личных предпочтений, но и общую направленность его философской системы, стремящейся исходить из того, что есть, а не из того, что должно быть¹¹. В своей выпускной гимназической речи в 1793 он, опираясь на моральную философию Канта, выступает с осуждением Французской революции, поскольку она привела к масштабному освобождению чувственной природы человека от его разума. Гербарт вообще скептически относится к возможности реализации этических целей политическими способами, делая в своей речи акцент на необходимости для всех граждан сообразовывать свои поступки в соответствии с требованиями долга.

После окончания гимназии Гербарт принимает решение заниматься философией, отклоняясь тем самым от желания родителей, мечтавших о его юридическом образовании. В 1794 г. он начинает обучение в Йенском университете, знаменитом в это время лекциями Фихте и Шиллера (правда, в период обучения Гербарта Шиллер уже фактически не преподавал). За сыном последовала и его мать, которая входит в кружок почитателей Фихте. В 1801 году родители Гербарта разводятся, а Луция Маргарита Гербарт уезжает во Францию, откуда продолжает переписываться с Фихте. Сам Гербарт первоначально настолько увлекается философией Фихте, что вступает в студенческий «Союз свободных людей», объединенный преданностью фихтеанской философии. Однако довольно скоро обнаруживаются серьезные расхождения с Фихте, полемика с которым проходит через все последующее философско-педагогическое творчество Гербарта. Не менее важной фигурой для понимания философии Гербарта является и Шиллер, идеи которого осваивались им, видимо, на основании сочинений, а не лекций.

Гербарт, следуя обычной для своего времени биографической траектории выпускников философского факультета, в 1797 г. становится домашним учителем. Он принимает приглашение швейцарского аристократа Штайгера и переезжает в Берн. Однако в отличие от большинства других известных философов того времени, частное преподавание не является для Гербарта необходимым, но, в общем-то, досадным эпизодом их карьерной биографии. Примечательно, что сын Штайгера – Карл – будет учиться уже у профессора Гербарта в Геттингене, между ними завязывается многолетняя переписка. К важным событиям бернского периода жизни Гербарта относится также его личное знакомство с Песталоцци, работы которого он основательно изучает.

¹¹ Именно этот момент сыграл важную роль в политизированном эпизоде актуализации философии Гербарта после революции 1848 г., где целый ряд авторов (Иоганн Эдуард Эрцман, Иммануил Герман Фихте) подчеркивали именно момент ориентации философии Гербарта на «данность» и «индивидуальность» (подробнее см. *Köhnke*. Op. cit. S. 117-нг).

В 1802 г. Герbart возвращается к академической карьере: он прибывает в Геттинген и защищает в том же году диссертацию. В своих диссертационных тезисах он резко критикует Канта и Фихте, утверждая этическую бессодержательность трансцендентально-критической философии (что не было сенсацией в Геттингенском университете, приверженном докантовской просвещенческой традиции). Герbart в качестве приват-доцента преподает, главным образом, педагогику. В 1805 г. он становится экстраординарным профессором Геттингенского университета по специальности философия и педагогика. В 1806 г. он выпускает свою наиболее известную работу «Общая педагогика, выведенная из целей воспитания», а также работы по метафизике. В этот период в немецкой философской академической среде за Герbartом закрепляется репутация мыслителя, систематические начинания которого представляют альтернативу спекулятивной философии Фихте, Шеллинга и Гегеля. Конкуренцию в этом поле ему составляет, пожалуй, только Шлейермахер, который сыграл некоторую роль в последующей академической карьере Герbartа.

В 1808 г. Герbart получает приглашение занять место ординарного профессора философии в Кенигсберге, став, таким образом, преемником Канта на этой должности. Это приглашение не является случайным. Несмотря на критическое отношение к Канту, неприятие Герbartом идеалистической спекулятивной философии и элемент реализма сближали его именно с последним. Кроме того, по самой стилистике своих работ, отличающихся взвешенностью и рассудительностью, Герbart, несомненно, стоит ближе к Канту, чем «романтические чрезмерности Шеллинга, моральный пафос Фихте или спекулятивная претензия на всезнание Гегеля»¹². Кенигсбергский период Герbartа продолжался до 1833 г. и отмечен активной учебной, литературной и общественной деятельностью. С 1810 г. он возглавляет педагогический семинар и возникшую на его основе школу по подготовке учителей. В это же время формулируется основополагающая для современной педагогики Герbartова концепция «воспитующего обучения» (*erziehender Unterricht*), в котором воспитательные цели реализуются посредством образования, причем достижение (нравственных) целей воспитания возможно лишь на основе выработки у воспитанников «многосторонности интереса». Кроме того, Герbart как член и консультант разного рода комиссий является активным участником реорганизации прусской школьной системы после окончания наполеоновских войн. В 1811 г. он женится на Мери Джейн Дрейк, дочери английского коммерсанта.

В 1833 г. Герbart возвращается в Геттинген в должности ординарного профессора. Примечательно, что Герbart ожидал приглашение занять освободившуюся в 1833 г. после смерти Гегеля кафедру философии в Берлине, однако этому воспрепятствовал Шлейермахер¹³. Геттингенский период отмечен тем, что Герbart оказался на линии фронта между ужесточающейся политикой власти по отношению к университету и либерально-националистической оппозицией этой политике. Несмотря на свою полную лояльность прусскому, а затем и ганноверскому королю, Герbart, однако, никогда не был в восторге от реакционной политики немецких властей¹⁴. Один из эпизодов истории этого противостояния и произошел в Ганновере в 1837 г. Когда здесь разгорелся конституционный конфликт, король Эрнст Август потребовал изъявления лояльности в том числе от университетской корпорации. Герbart представлял в отправившейся к королю делегации философский факультет. Однако ряд его коллег («геттин-

¹² *Heesch. Op. cit. S. 26.*

¹³ Несмотря на то, что Герbart и Шлейермахер были основными критиками немецкого абсолютного идеализма своего времени и близки по многим позициям, Герbart в конечном счете более преемственным образом связан с идеалистическим направлением, чем Шлейермахер, что и могло послужить для последнего аргументом против кандидатуры Герbartа. О важнейших систематических расхождениях между Герbartом и Шлейермахером и ссылки на литературу по этому вопросу см.: *Heesch. Op. cit. S. 125–126.*

¹⁴ Напомним, что в 1818 г. было принято «Карлсбадское решение», направленное против либеральных и националистических течений. В числе цензурных и ограничительных мероприятий, последовавших за этим решением, было, в частности, «преследование демагогов», отзыв права на преподавание у либеральной и национально-ориентированной профессуры.

генская семерка»), в числе которых были и братья Гримм, отказались от изъявления лояльности, что привело к приостановке их преподавательской деятельности. Такого рода события, видимо, не могли не отразиться на самочувствии Гербарта. Он скончался от инсульта 14 августа 1841 г. в возрасте 65 лет.

Основные особенности философской психологии и философско-педагогической теории Гербарта

Гипотетическая эпистемология

Для понимания общей конструкции концепции Гербарта следует учитывать, что главный фокус его интересов сосредоточен именно на педагогике, по отношению к которой психология, фундированная, в свою очередь, в его метафизике, играет подчиненную роль. Этот акцент приоритетов приводит к тому, что теоретическое ядро концепции Гербарта, его метафизика и психология, приобретают существенно иной эпистемологический статус в сравнении с построениями его знаменитых современников. Если для Канта, а в еще большей степени для Фихте, Шеллинга и Гегеля, принципиальным является окончательный и завершённый характер системы (у идеалистов подчеркнуто «абсолютный», «беспредпосылочный», априорно-необходимый характер), то для Гербарта метафизико-теоретические конструкции выполняют *прагматико-гипотетическую*, инструментальную и вспомогательно-эвристическую роль по отношению к практическим (в первую очередь педагогическим) задачам.

В качестве примера процитируем, каким образом Герbart сугубо прагматически обосновывает необходимость применения математики в психологии: «Применение математики к психологии не только возможно, но необходимо. Основание этой необходимости заключается, одним словом, в том, что иначе попросту нельзя достичь того, чего в конце концов доискивается всякое умозрение, т. е. *убеждения*»¹⁵.

Именно это снижение эпистемологических претензий философии Гербарта и сделали ее во многом более состоятельной в научной среде после краха великих систем немецкого идеализма, открыли возможность для модификации доктрины в различных версиях гербартианства. Эта модификация эпистемологических претензий сыграла позитивную роль в научной продуктивности теории Гербарта, которая не отличается высокой степенью когерентности и согласованности, свойственной «великим системам» немецкого абсолютного идеализма. Ее несогласованность, наличие концептуальных «разрывов», открывавшая широкие просторы для модификации, воспринималась как позитивная открытость и эластичность системы, способность к самокоррекции и вбиранию в себя нового эмпирического материала, на что были неспособны законченные систематические построения немецких идеалистов, которые можно было или полностью принимать, или полностью отбрасывать (что фактически и имело место в большинстве случаев, за исключением, разве что, известной сепарации «метода» и «системы» Гегеля, осуществленной Энгельсом).

Объяснительная модель психологии

В контексте стремления Гербарта переориентировать, в первую очередь, философскую психологию на эпистемологический образец «нормальной» науки (под которой понимается математизированное естествознание) и следует прочитывать его замысел «математической психологии». Тем самым Герbart предложил программу, которая в разных вариантах образует центральную проблематику философской психологии XIX – начала XX в., а именно неспекулятивного и недогматического исследования сознания, основанного на опыте и дающего результаты, сопоставимые по своей обоснованности и надежности с результатами естествознания. Правда, в содержательном отношении математизированная модель Гербарта утратила всякое значение уже в середине XIX в. Причина этого заключается в том, что подлинную возможность внедрения математических расчетов в исследования психики открыл только закон Фехнера

¹⁵ Наст. изд. С. 52. В данном случае очевидна параллель с прагматизмом Ч. С. Пирса, для которого главная цель науки – достижение и утверждение определенных «верований» (beliefs).

(1860), поскольку он позволил экспериментально устанавливать количественные психофизические корреляции. В этой перспективе вся предшествующая психология, включая программу Гербарта, является умозрительной – даже в том случае, если декларирует опору на опыт и эмпирическую проверку, а также пытается использовать математизированные теоретические модели (как это и имеет место в случае Гербарта). Программа Гербарта, несмотря на стремление использовать стандарты эмпирических исследований в психологии, оказалась обреченной на неуспех именно по этой причине.

Тем не менее в качестве *эпистемологической* модели психологическая концепция Гербарта сыграла важнейшую роль в философской психологии Германии XIX в. (можно, впрочем, проследить ее использование вплоть до современных программ исследований сознания). Ее главная особенность состоит в том, что исследования сознания осуществляются в русле поиска каузальных отношений и формулировки причинных объяснений в этой области. Этой модели противостоит другая влиятельная модель, в настоящее время более известная по поздним ее образцам, сформулированным, в частности, Brentano, Dilltheym и Husserlem, а именно модель дескриптивной, описательной психологии. Оппозиция этих моделей складывается в Германии уже с 50-х гг. XIX в.¹⁶ Именно последователи Гербарта на основании неспособности *объяснять* критиковали романтическую психологию, важнейшим представителем которой считается Карл Густав Карус (1789–1869). Основным аргументом при этом является то, что всякое описание, в том числе генетически-морфологическое описание развития психики из «пра-феномена» (Urphänomen), концепция которого и развивалась в рамках романтической психологии, является «голым эмпиризмом» (Мориц Дробиш), изложением опытных данных. Согласно гербартианцам, генетический и дескриптивный подход не позволяют формулировать общие и необходимые законы, которые только и делают психологию наукой. Поскольку же такие законы с успехом формулирует естествознание, то и психология, коль скоро она претендует на то, чтобы быть эмпирической наукой, должна брать за образец физику: «...психологи, поскольку они думают об объясняющей психологии, всегда имеют в виду в качестве образца физику»¹⁷. При этом объяснение понимается гербартианцами как установление *причинной* взаимосвязи, поэтому и проблема научной психологии состоит для них в том, чтобы «выявить причинную взаимосвязь, которой связаны отдельные члены, так, чтобы не просто видеть, например, возникновение более позднего из более раннего как факт... но чтобы этот способ возникновения постигался как необходимый»¹⁸. В формулировке самого Гербарта, ориентация на установление каузальных отношений определяется как «дополнение» и установление «необходимой связи» (эта формулировка является стандартной для каузальных моделей психологии вплоть до начала XX в.): «Вся психология не может быть не чем иным, кроме дополнения внутренне воспринимаемых фактов... Принципов психологии столько и находятся они там, где и в скольких пунктах всей массы внутренних восприятий можно вскрыть отношения, указывающие на предположения, дополнения, необходимую связь с тем, что должно происходить или в сознании, или позади его»¹⁹. При этом Герbart не является сторонником сведения психологии к физиологии, устанавливая между ними следующее систематическое отношение: «Психология есть первая, предшествующая, а физиология, если она хочет быть не просто лишь опытной наукой, – вторая, потому что понятие внутреннего образования она

¹⁶ См. Fellmann F. Wissenschaft als Beschreibung^ Archiv für Begriffsbildung. 1974. Bd. 18 (24). S. 227–261; Sachs-Hombach K. hilosophische Psychologie im 19. Jahrhundert: Entstehung und Problemgeschichte. Freiburg (Breisgau)/München: Alber, 1993. S. 103–106.

¹⁷ Drobisch M. W. Empirische Psychologie. 2. Aufl. Hamburg und Leipzig, 1898. S. 24. Первое издание «Эмпирической психологии» Морица Дробиша вышло в 1842 г.

¹⁸ Waitz T. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. Braunschweig, 1849. S. 40 (цит. по Sachs-Hombach. Op. cit. S. 104).

¹⁹ Наст. изд. С. 67.

должна впервые заимствовать из психологии. Без помощи психологии нельзя дать никакого реального определения тела»²⁰.

Как возможна педагогика?

Критика трансцендентальной свободы

Основным объектом критики является для Гербарта концепт трансцендентальной свободы, который был раскрыт Кантом в «Критике практического разума», а затем подхвачен и развит Фихте в его ранний, Йенский период (который и является – по биографическим основаниям – единственным референтным пунктом для работ Гербарта). Кантовское понятие «свободы», столь воодушевлившее Фихте, а вслед за ним и других немецких абсолютных идеалистов, предполагает, что мы как граждане «двух миров» – мира чувственно воспринимаемого и мира интеллигибельного²¹—являемся свободными и морально действующими существами постольку, поскольку обладаем способностью не считаться с обязательным для познающего (теоретического) разума миром явлений каузально взаимосвязанной природы и при этом давать начало новой каузальной цепочке в акте свободного практического действия, согласованному с моральным законом²². Этот момент, характеризующий у Канта практический разум, был усилен Фихте, согласно которому спонтанно действующее трансцендентальное Я оказывается источником не только нравственных поступков, но и полагает мир во всей совокупности его являющихся определений. Тем самым Фихте устраняет последний остаток «данности» («вещи саму по себе» в философии Канта), рассматривая мир как полностью полагаемый активностью свободно и спонтанно действующего трансцендентального Я.

Однако такой взгляд на мораль, будучи проведен последовательно, полностью упраздняет практику и делает невозможным какую бы то ни было теорию педагогического, воспитательного воздействия, имеющего целью формирование нравственной силы характера (а именно это и является, согласно Гербарту, основной целью воспитания, что и следует из названия его основного педагогического сочинения). Во-первых, сама воспитательная практика является каузальным воздействием (только так может быть осмыслено понятие *научной педагогики*). Но это каузальное воздействие не может осмысленно иметь в виду цели, которые выходят за пределы доступных ей средств, или, как формулирует Герbart: «нет никакой щелочки, через которую хотя бы малейшее дуновение трансцендентальной свободы может проникнуть в область воспитания»²³. Или, говоря о психологии: «Трансцендентальная свобода, которую Кант, ради категорического императива (так как он не попал на правильное обоснование практической философии), пожелал признать необходимым *членом символа веры*, является в психологии совершеннейшим пришлецом»²⁴. Во-вторых, ввиду абсолютного характера трансцендентальной свободы не имеет никакого смысла говорить о недостатках воспитания²⁵: «Те, которые принимают трансцендентальную свободу воли, должны, если не хотят грубым образом погрешить против последовательности, придать ей бесконечную величину силы против страстей, потому что слово «*трансцендентальный*» в этой связи, обозначает противопо-

²⁰ Наст. изд. С. 223.

²¹ См.: Критика практического разума//*Кант И.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4/Под ред. А. Ф. Гулыги. М.: Чоро, 1994. С. 478.

²² Или, как формулирует Кант, «разуму, идеи которого всегда были за пределами, поскольку он хотел действовать спекулятивно, моральный закон впервые в состоянии дать объективную, хотя только практическую, реальность и превращает его *трансцендентное* применение в *имманентное* (быть действующими причинами в сфере опыта посредством своих идей)» (*Кант. Указ. соч.* С.431).

²³ *Herbart. Sämtliche Werke. Bd. I. S. 261.* (далее SW.)

²⁴ Наст. изд. С. 196.

²⁵ Для Гербарта этот недостаток состоит, в первую очередь, в торжестве страстей над нравственной рассудительностью или «нравственным самообузданием» (ср. Наст. изд. С. 274).

ложность всей причинности природы; отсюда – против такой свободы *совершенно ничего* не могла бы сделать естественная сила страстей»²⁶.

Базовые конструктивные особенности философии Гербарта можно рассматривать как результат использования исторически доступных его философско-теоретических средств для решения неутешительного парадокса, которым оборачивается для педагогики концепция трансцендентальной свободы. Однако следует учитывать, что Герbart движется не путем отбрасывания идеи трансцендентальной свободы и трансцендентального субъекта, а путем их *воплощения* в эмпирическом индивиде. Или, как формулирует сам Герbart: «разум, которому он [человек– В. К.] повинуетя, и желание, которое раздражает и обольщает его, в действительности находятся *не вне его*, но *в нем*, и сам он ничуть не третий наряду с теми двумя, но в этих двух заключается и действует его собственная душевная жизнь»²⁷. В более же широком смысле речь идет о том, чтобы спасти программатику свободы, заявившую о себе в немецкой классической философии, переведя ее в плоскость педагогической деятельности. Как замечает в этой связи Матиас Хеш: «Герbart исходит из определенных педагогических целей, которые на свой манер представляют собой попытку перенести программатику существования на основаниях свободы, заявленную Фихте, в плоскость культуры ввиду ее очевидного крушения на уровне индивида»²⁸. В пользу такой интерпретации говорит, во-первых, критика Герbartом гегелевской философии истории как чрезмерно оптимистической и при этом весьма темной истории «мирового духа»²⁹ (что сближает его с последующими критиками немецкой «исторической школы», конституировавшейся на почве именно полемического отношения к Гегелю) и, во-вторых, примечательная параллель, которую Герbart проводит между деятельностью воспитателя и политика: «Чего воспитатель требует от психологии, того же приблизительно требует государственный человек от философии истории. Для обеих являются одинаково вредными бреднями как слепая, ничего не допускающая, необходимость, так и абсолютная, ничего не устанавливающая, свобода. Педагогика и политика предполагают подвижные и гибкие силы, которые, однако, под влиянием обстоятельств, достигают определенной формы, а мало-помалу и прочного характера»³⁰.

Для решения парадоксальной проблемы трансцендентальной свободы Герbart опирается на несколько альтернативных философско-теоретических источников, к которым относится, во-первых, монадология Лейбница, во-вторых, концепт «вещи самой по себе» Канта, отброшенный немецким идеализмом, в-третьих, эстетическая концепция Шиллера, призванная преодолеть крайности кантовского формализма в этике, а также британский этический эмпиризм, настаивавший на самостоятельности моральной очевидности, не сводимой к теоретическому познанию и теоретическим суждениям (образцовым представителем этого направления является Френсис Хатченсон). Философия Фихте, несмотря на направленную на нее критику, сохраняет для Гербарта неизменное значение, поскольку, в частности, исходным пунктом его философской психологии является понятие Я. Для преодоления парадоксов, связанных с понятием трансцендентальной свободы, Герbartу было необходимо решить целый комплекс задач. А именно, он обосновывает примат пассивности и рецептивности субъекта (в противоположность активной конструирующей роли субъективности, из которой в той или иной степени исходят как Кант, так и идеалисты), не только реабилитирует кантовскую «вещь саму по себе», но и обращается к прямым метафизическим выкладкам (в частности, говоря о реальном существовании пространства («интеллигибельного пространства»)), возвращается

²⁶ Наст изд. С. 270.

²⁷ Наст изд. С. 194.

²⁸ *Heesch*. Op. cit., S. 78.

²⁹ См. Наст. изд. С. 276.

³⁰ Наст. изд. С. 277.

к трактовке предельной (метафизической) реальности как неизменной и даже вовсе неопределяемой (в противоположность разнообразным определениям «абсолюта», встречающимся в философии немецких классических идеалистов), отказывается от концепции свободы как порождения в пользу понятия свободы как способности выбора из имеющихся опций, отбрасывает идею неограниченного самоопределения субъекта в пользу контролируемой выработки добродетельного (нравственного) характера, элиминирует из философии сознания момент абсолютности, который немецкие идеалисты обнаруживали в акте самосознания. Рассмотрим более детально, каким образом решаются эти задачи.

Метафизика

Выше уже говорилось об общем прагматическом характере философии Гербарта. Этот прагматизм особенно отчетливо проявляется в его понимании философии, формально определяемой как «обработка понятий, необходимых во всякой науке»³¹. Такое определение роднит Гербарта с вольфианской традицией, усматривающей «полезность» философии в ясных дефинициях. Однако именно в этом пункте обнаруживается инструментальное направление философии Гербарта, ибо «постижение мира и нас самих приводит к появлению понятий, которые, чем яснее они становятся, тем менее допускают единство наших мыслей, внося, напротив, двойственность во все размышления, на которые они могут оказывать влияние»³². Здесь, собственно, и начинается работа философии, заключающаяся в том, чтобы посредством подходящих гипотез так изменить эти понятия, чтобы к ним добавилось «нечто новое, с помощью которого разрешаются прежние противоречия. Это новое можно назвать дополнением... Наука об этом называется метафизикой»³³.

Определяя область компетенции метафизики, Гербарт следующим образом формулирует ее основные вопросы: «Как вообще единому может подходить многое? Как вообще смотреть на изменение?»³⁴ Отвечая на вопрос о глубинной характеристике бытия, поставленный в контексте проблематики «становления» (изменения) и его «причины», Гербарт приходит к выводу о том, что оно «не имеет ни множества, ни всеобщности; ни величины, ни степени; ни бесконечности, ни совершенства»³⁵, т. е. «основополагающее понятие бытия индифферентно по отношению к каким бы то ни было более точным количественным и качественным определениям»³⁶. Столь обескураживающе апофатическая характеристика бытийного основания направлена, очевидно, против соблазна вывести из нее хотя бы какие-то определения в духе спекулятивной метафизики немецких идеалистов³⁷.

Однако указанный фундаментальный вывод плохо согласуется с нашим опытом, в котором мы, очевидно, имеем дело и с множеством, и с единством, и с изменением. Обращаясь к этому вопросу, Гербарт осуществляет метафизическую реконструкцию, обращаясь к монадологии Лейбница (такой переход, правда, никак не вытекает из сказанного выше, образуя один из специфических разрывов концепции Гербарта). Он вводит понятие множества реальных сущностей (как передает это понятие А. Нечаев) или «реалов». В частности, применительно к душе это означает: «Душа есть простая сущность, и не только без частей, но и без какой

³¹ SW, IV, 29.

³² SW, IV, 45.

³³ SW, IV, 58.

³⁴ Наст. изд. С. 70.

³⁵ SW, IV, igo.

³⁶ Heesch. Op. cit. S. 64.

³⁷ Матиас Хеш особо подчеркивает ее критическую направленность против «динамического» характера идеалистического миропонимания, но такое определение, в действительности, исключает вообще какое бы то ни было определение бытийного основания.

бы то ни было множественности в своем качестве (Qualität)»³⁸. «Простые сущности», в свою очередь, сосуществуют в некотором интеллигибельном прообразе нашего воспринимаемого пространства (Гербарт называет его «интеллигибельным пространством»), в котором вступают во взаимодействие (испытывают, по аналогии с телесным миром, «давление и отпор»). Введение этого метафизического аналога пространства (а в «рациональной психологии» также и времени) направлено, разумеется, против трактовки Кантом пространства и времени как форм нашей чувственности, порожденных, а не данных в реальности³⁹. Однако сама душа как метафизическая сущность остается для нас совершенно непознаваемой: «Простое нечто души совершенно неизвестно, и таким остается навсегда. Оно настолько же мало является предметом умозрительной психологии, как и эмпирической»⁴⁰.

Взаимодействие «реалов» определяется принципом «самосохранения», феноменальной формой выражения которого являются «представления»⁴¹. Единство представлений в сознании осмысливается как уже всегда предполагаемое монадической природой «простой сущности», лежащей в его основании, тогда как появление такой характеристики, как самосознание, обусловлено определенным уровнем динамики «представлений», переводящей душу с уровня перцепции на уровень апперцепции⁴². В силу этого Гербарт констатирует, в частности, что не существует «никакого законченного ряда строгих различий ни между человеком и животным, ни между высшими и низшими способностями»⁴³. Тем самым понятие самосознания лишается той поистине колоссальной систематической нагрузки, которой оно было обременено, в частности, у Фихте, будучи тем самым «игольным ушком», через которое осуществлялось проникновение в мир абсолюта. В качестве понятийного инструмента, опосредующего отношения между непознаваемой реальной сущностью и наблюдаемым миром, Гербарт вводит различие понятий «бытия» и «образа» (Bild)⁴⁴, функционально сходного с различием между «бытием самим по себе» и «явлением» у Канта.

Монадическая трактовка метафизической сущности души позволяет Гербарту элиминировать из философской психологии категорию «спонтанности», спонтанного конструирования как источника единства наших представлений. Тем самым Гербарт возвращает сознанию пассивно-рецептивную функцию, которая у Канта была ограничена лишь понятием «вещи самой по себе», независимой в своем бытии от конструирующей деятельности наших познавательных способностей и, в первую очередь, от спонтанной активности рассудка: «Кант, проводя границу между высшими и низшими способностями, руководствуется следующей основной мыслью: “вообще связь многообразного никогда не может привходить к нам через чувства; всякая связь есть спонтанеический акт силы представления, которую в отличие от чувственности, надо назвать *рассудком*”. Это весьма призрачное положение по своей природе является спекулятивным (оно вызывает *высший скепсис...*), Сильно выдвинув эту мысль, Кант оказал великую услугу спекуляции, но, положив только начало, он совсем не выполнил тех в высшей степени важных исследований, которые вытекали отсюда; и насколько эти исследования должны всегда необходимо содержаться в основоположении к общей метафизике, настолько же, в свою очередь, необходимо должно быть совершенно исключено из учения психологии все то, что

³⁸ Наст. изд. С. 219.

³⁹ Ср.: «Пространство и время становятся предметами весьма ложного учения, если принимать их за собственные, единственные, независимо друг от друга данные, *формы чувственности*» (Наст. изд. С. 169).

⁴⁰ Ср. Наст. изд. С. 220.

⁴¹ Ср. Наст. Изд. С. 220–221.

⁴² Связывая «самосохранение» с «самосознанием», возникающем при определенном уровне динамики представлений, Гербарт тем самым образцовым образом репрезентирует «основную структуру современной философии» в формулировке Дитера Хенриха (Die Grundstruktur der modernen Philosophie//Henrich Dieter. Selbstverhältnisse. Reclam, 1982. S. 83-108).

⁴³ Наст. изд. С. 164.

⁴⁴ В некоторых случаях Гербарт использует понятие «образования» (Bildung). Ср. Наст. изд. С. 222.

приближается к кантовскому положению, потому что в конце исследования получается прямо противоположное тому, к чему, по-видимому, склонялось начало. Многообразное совсем не связывается чем-нибудь таким, что можно было бы назвать актом, а тем более – актом спонтанно-инстинктивным. Связь многообразного является непосредственным следствием единства души»⁴⁵.

Критики психологии способностей

Одним из принципиальных критических моментов философии Гербарта является отказ от учения о способностях, с которыми он связывает основные заблуждения предшествующей философской психологии. Следуя введенному в метафизику определению души как «простой сущности», Гербарт считает, что он намного дальше продвинулся в стирании латентных остатков учений о качественном структурировании душевных способностей, чем все его предшественники: «Душа не имеет *совсем никаких дарований и способностей – ни ощущения, ни восприятия*».

Поэтому она совсем не *tabula rasa* в том смысле, будто бы на ней могут отпечатываться чужие действия, и совсем не лейбницевская субстанция, взятая в первоначальной самодетельности. Первоначально она не имеет ни представлений, ни чувств, ни желаний; она не знает ничего ни о самой себе, ни о других вещах; в ней не заключается никаких форм интуиции и мышления, никаких законов хотения и действия и никаких, как всегда отдаленных, predispositions ко всему»⁴⁶.

Не углубляясь в длительную историю философско-психологического учения о способностях⁴⁷, определим функциональную роль этого критического положения Гербарта для его философско-педагогической системы. Основанием для этой критики является не только чрезмерное размножение разнообразных способностей в философской психологии конца XVIII в. Отказываясь от концепции способностей и редуцируя их к динамической механике «представлений», Гербарт систематически решал сразу ряд задач. Во-первых, устранялись качественные определения психического, что создавало возможность для реализации замысла «математической психологии». В соответствии с образцом математического естествознания для этого требовалось сведение качественного разнообразия мира к нескольким рамочным параметрам (в случае физики – пространство, время и динамические характеристики материи). Отказываясь от учения о способностях, Гербарт, таким образом, стремился следовать именно этому образцу. И в этом отношении, как отмечает К. Захс-Хомбах, он вполне заслуживает титула «Ньютона в психологии», имея при этом в виду трансфер, позволяющий подводить под физические законы специфические свойства психики⁴⁸. Захс-Хомбах акцентирует в данном случае высказывания Гербарта, подчеркивающие сходство его математической психологии и механики. В частности такое: «Затемнение представлений, в особенности если оно последовательно проходит через различные степени, имеет так много сходного с *движением*, что совсем нечего удивляться, если теория законов затемнения и противоположного ему освещения, или обратного выступления представлений в сознание, в общем построится подобно теории законов движения тел»⁴⁹. При этом, впрочем, игнорируются оговорки Гербарта, который стремится не упустить также и различие между механикой и психологией⁵⁰.

⁴⁵ Наст. изд. С. 161.

⁴⁶ Наст. изд. С. 220.

⁴⁷ Применительно к XVIII в. перипетии этого учения подробно изложены в работе: Васильев В. В. История философской психологии. Западная Европа – XVIII в. Калининград: ГП «КГТ», 2003.

⁴⁸ Sachs-Hombach. Op. cit. S. 85.

⁴⁹ Наст. изд. С. 89.

⁵⁰ Там же, ниже. Попутно позволим себе отметить следующее обстоятельство: демонстрация аналогии между психологией и механикой Ньютона встречается также и в описаниях классического психоанализа Фрейда. Так, С. Гроф в своих критических целях подробно останавливается на том, каким образом «четыре основополагающих принципа психоаналитического подхода

Во-вторых, такое понимание психики обосновывало возможность целенаправленного педагогического воздействия, разворачивающегося в гомогенном пространстве представлений, допуская тем самым управляемую (т. е. рационально-научным образом контролируемую) коррекцию психического развития воспитуемого⁵¹. Качественные различия возникают лишь как результат гомогенных, количественных констелляций, а потому поддаются просчитываемой модификации в желаемом направлении. В этом, как замечает М. Хеш⁵², заключается и основное различие между Герbartом и Фрейдом (если, конечно, отвлечься от технических деталей функционирования соответствующих психических моделей): дело в том, что если у Герbartа динамика циркуляции представлений между областями сознательного и бессознательного описывается как констелляция динамических характеристик однородных элементов, то у Фрейда основную роль играют именно содержательные, качественные параметры, запускающие в действие механизмы «цензуры», «вытеснения» и т. д. Без учета и интерпретации этих качественных параметров психоаналитическое описание просто невозможно.

В-третьих, в порядке критики предшественников гомогенизация психики и сведение всех сложных качественных способностей к общей плоскости «представлений» позволяет Герbartу отказаться от традиционных ценностных иерархий, увязанных с различными способностями, которые на свой манер были воспроизведены также и в немецкой классической философии. В частности, отсюда для Герbartа следует, что «Самое большее зло настолько же мало является чувственным, насколько мало и чувственность является проникнутой злом»⁵³.

Наконец, можно отметить, что математизированная динамическая концепция взаимодействия психологических «представлений» позволяла решать жизненно важную для любого интроспективного подхода методологическую проблему адекватности описания. Опираясь на формальный математический аппарат описания динамики гомогенных психических величин можно было попытаться избежать прекрасно осознаваемой Герbartом проблемы примысливания, произвольной «абстракции»⁵⁴ и, как следствие, искажения в ходе попытки качественного описания сознания: «Самонаблюдение, уже при самом схватывании фактов сознания, уродует их; оно вырывает эти факты из их необходимой связи и предаёт их беспорядочному обобщению, которое не останавливается до тех пор, пока не дойдёт до высших родовых понятий – *представления, чувствования и желания*», тут, при помощи ограничения (т. е. путем, обратным тому, который замечается в эмпирической науке), этим понятиям насколько оно подходит, подчиняется наблюдаемое разнородное. Если теперь к не научно образованным понятиям *того, что в нас происходит*, прибавляется предположение *способностей, которыми мы владеем*, то психология превращается в *мифологию*»⁵⁵.

Практическая философия

Теоретическая философия и философская психология Герbartа демонстрировали как возможна научная педагогика и целенаправленный педагогический процесс как таковой. Этот процесс был не только фундирован глубокими метафизическими гипотезами, но и строился, исходя из новой модели сознания, рассматриваемого – в противоположность немецкой классической философии – как преимущественно рецептивная область, поддающаяся контроли-

– динамический, экономический, топографический и генетический – это точные аналоги основных концепций физики по Ньютону» (*Проф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии*. М.: Центр «Соцветие», 1992. С. 113).

⁵¹ Или, как замечает Герbart, «всякая страсть могла бы быть побеждена» (Наст. изд. С.270).

⁵² Heesch. Op. cit. S. 71.

⁵³ Наст. изд. С. 157.

⁵⁴ «В психологии... наши показания о внутренне воспринимаемом невольно являются уже абстракциями прежде, нежели мы узнаем это, и они становятся ими все более, чем определеннее желаем мы выяснить их» (Наст. изд. С. 64).

⁵⁵ Наст. изд. С. 124.

руемому каузальному воздействию. Однако возникает вопрос: в каком направлении следует осуществлять воспитание (и самовоспитание), к каким целям оно должно быть направлено? Сама по себе теоретическая философия и психология Гербарта не могут дать ответа на эти вопросы. На них отвечает его практическая философия, в которой центральное место отводится эстетике. Однако наличие этих ответов у Гербарта не отменяет существования здесь глубокого систематического «разрыва» в его построениях. Этот разрыв выражается и в самой педагогике Гербарта, которая имеет отчетливо выраженный интеллектуалистский характер, не раз впоследствии служивший предметом критики. Интеллектуализм выражается, в частности, в таком суждении Гербарта: «чувствования и желания ближе всего суть состояния представлений, хотя, большею частью, и *непостоянные* состояния последних. На это указывают уже *аффекты*. Но это в значительной степени подтверждает и опыт. Человек ощущает мало радостей и страданий своей юности; напротив, то, что он правильно заучил ребенком, он знает еще в старости»⁵⁶.

На вопросы о целях человеческой деятельности у Канта отвечал универсальный (формальный) моральный закон, трансцендирующий мир чувственного восприятия. Гербарту, учитывая общую конструкцию его философско-педагогической концепции, было необходимо показать, что практические цели каким-то образом могут быть почерпнуты без обращения к этой трансцендирующей способности «практического разума». И он решает эту задачу, опираясь, с одной стороны, на этику Шиллера, также стремившегося преодолеть формальный характер моральной философии Канта, и, с другой стороны, на традицию британского этического эмпиризма (которая в XX в. была обновлена Дж. Э. Муром).

Для Шиллера была неприемлема этика, отвлекающаяся ради формальной чистоты от любых материальных характеристик этического действия (знаменитая ироничная эпитафия Шиллера резюмирует «чистую» этику долга Канта словами «И с отвращением в душе, делай, что требует долг»). Решение этой проблемы он ищет в «Критике способности суждения», где Кант также стремился каким-то образом свести в одно целое разошедшийся по разным мирам единый разум. Для Шиллера такой формой, в которой этическая ценность и способ ее данности в явлении соединяются в одном целом, является прекрасное, обнаруживающееся в благом поступке. Френсис Хатченсон, в свою очередь, указывает на то, что моральная очевидность не имеет ничего общего с теоретическим суждением. На соединении этих двух концепций мы получаем опорные точки практической философии Гербарта. Во-первых, этическое не противоположно чувственному, но воплощено в нем. На этом построена вся педагогическая практика воспитания, основанная на наглядности предлагаемого воспитанникам материала (сам Герbart подчеркивал особое значение древнегреческой культуры и литературы). Впоследствии гербартианцы систематизировали эти интуиции Гербарта, развив, в частности, теорию использования в воспитании художественной литературы.

Во-вторых, этически-эстетическая оценка рассматривается как непосредственно очевидная. Базовое положение Гербарта по этому вопросу звучит следующим образом: этически-эстетическое суждение есть «изначальная очевидность, в силу которой оно ясно без всякого научения или доказательства»⁵⁷. На языке психологии Гербарта эта мысль формулируется следующим образом: «*Нравственное чувство возникает из нравственных суждений, оно есть их ближайшее действие на все представления, находящиеся налицо в сознании*. Названные суждения имеют свое местопребывание в немногих представлениях, хотя и таких, которые образуют друг с другом эстетическое отношение. Они всегда и непременно возникают при каждом совместном выступании последних, *если и поскольку* остальной ход представлений не делает невозможными их слияния. Возникая, они производят такое действие, будто в созна-

⁵⁶ Наст. изд. С. 143.

⁵⁷ SW, IV, 105.

ние внезапно вступает нечто приятное или неприятное»⁵⁸. Следствием такого рода этической доктрины, однако, является то, что моральные вопросы выносятся из области возможного дискурсивного обсуждения, что фактически открывает дорогу для этического иррационализма. Одной из реакций на это положение дел является, как известно, последовавший во второй половине XIX в. призыв Ницше к «переоценке всех ценностей», т. е. к практическому волюнтаристскому учреждению новых ценностей.

⁵⁸ Наст. изд. С. 273.

Предисловие к русскому переводу

Нет нужды много говорить о значении психологических сочинений Гербарта для всех, кто интересуется психологией или педагогикой. Школа Гербарта, умершего в 1841 г., еще не исчезла и по всему заметно не скоро исчезнет. К ней принадлежат многие выдающиеся современные психологи, историки философии и педагоги, например: Лацарус и Штейнталь (издатели «*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*»), Фолькман (автор двухтомного трактата «*Lehrbuch der Psychologie, IV. Aufl. 1894*», развивающего психологические принципы Гербарта), Штрюмпель (историк философии и педагог, автор «*Psychologische Pädagogik*», 1880 и «*Pädagogische Pathologie, II. Aufl. 1892*»), Наловский («*Das Gefühlsleben*», II. Aufl. 1884) и др. Поэтому сочинения Гербарта имеют не только историческое значение, но они важны и для понимания настоящего. Если справедливо, что каждый психолог или педагог должен принимать во внимание те психологические и педагогические воззрения, которые сильно распространены в Германии, то каждый психолог и каждый педагог должен быть знаком с психологией Гербарта; а наилучшим пособием для этого служат его собственные сочинения.

Гербартом хотя уже и занимались в России, но еще мало: его только излагали и описывали, преимущественно как педагога, но еще не переводили его на русский язык⁵⁹. А между тем даже для многих лиц, отлично знающих иностранные языки, далеко не одинаково – читать ли философские сочинения по-русски или на чужом языке: философские мысли могут быть поняты и прочно усвоены только в том случае, если они облечены (или же сам читатель способен облечь их) в удачно подобранные выражения родного языка; а это не для всех доступно. Поэтому г. Нечаев изданием своего тщательно составленного перевода некоторых сочинений Гербарта оказывает несомненную услугу для русской философской и педагогической литературы.

Эти переводы, взятые в их целом, составляют полный курс психологии Гербарта. В основу этого курса положен «Учебник психологии» (*Lehrbuch zur Psychologie*) Гербарта, второе издание (1834) которого в некоторых отношениях является даже более полным, чем его большая «Психология» (1824). Но «Учебник психологии» слишком сжато говорит о психологическом методе и почти совсем не показывает того способа, при помощи которого получают основные понятия гербартовской психологии. Поэтому в дополнение к «Учебнику» прибавлено подробное извлечение из первой части сочинения «Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике» 1824 г. (*Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik*). Переводить же все это сочинение нет никакой нужды, так как оно переполнено запутанными вычислениями хода душевной жизни, уже давно утратившими свое значение. Кроме того, ввиду своего особенного исторического интереса, переведена статья «О возможности и необходимости применять в психологии математику» 1822 г. (*Ueber Möglichkeit und Nothwendigkeit, Mathematik auf Psychologie anzuwenden*), которая вместе с тем, отличаясь сравнительно очень простым изложением и заключая в себе краткую характеристику Гербарта, как нельзя лучше может служить введением ко всем предлагаемым переводам. Упоминание Гербартом различных метафизических терминов и ссылки его на свои другие философские сочинения побудили г. Нечаева составить несколько подстроч-

⁵⁹ Вот все, что касается Гербарта в русской литературе: Очерк лекций по педагогике Гербарта/ В сокращенном изложении Н. Г. Дебольского. Пед. Сбор. 187г. № 1, 2, 4, 6, 7; Никольский И. И.Ф. Герbart, как педагог. Ж. М.Н.П. 1876. Ч.187; Гогоцкий С. Философский лексикон. II. С. 270–318; Любомудров С. Мысли Гербарта о значении и преподавании древних языков. Филолог. Обзор. 1891. Т. I. Кн.1; Жилин В. М. Дидактическое значение и место Библиейской истории по взглядам гербартианцев. Педагогич. Сбор. 1894. Август – декабрь. Нечаев А. Психология Гербарта, популярный очерк. Образование. 189г. № 1 и след.

ных примечаний, которые, впрочем, имеют в виду не критику гербартианского учения, а единственно лишь установку точного смысла данного места.

Для изучения предлагаемых сочинений Гербарта, конечно, всего лучше читать их в том порядке, в каком они напечатаны. Впрочем, для читателей, мало привыкших к чтению философских книг, можно порекомендовать, познакомившись сначала со статьей «О возможности и необходимости математики» и с введением в «Учебник» (§1–9), прямо перейти ко второй его части («Эмпирическая психология», §53–141) и затем приступить к чтению «Психологии как науки». После этого станут более понятными первая и третья части «Учебника».

Санкт-Петербург, январь 1895 года
Александр Введенский

О возможности и необходимости применять в психологии математику

ЧИТАНО В КОРОЛЕВСКОМ НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ 18 АПРЕЛЯ 1822 ГОДА

Милостивые государи!

Так как Королевское Немецкое Общество представляет удобный и приличный пункт объединения для того, чтобы нам взаимно знакомиться с направлением наших научных исследований, то в сегодняшнем заседании, в котором вы доставляете мне честь своим благосклонным вниманием, я хотел бы, воспользовавшись удобным случаем, осмелиться изложить перед вами предмет, который, конечно, может показаться отвлеченным, но тем не менее бесспорно имеет общий интерес. Сократ восхваляется всеми веками за то, что призвал философию с неба на землю и к людям. Но, если бы он, восстав из мертвых и узнав состояние наших наук, опять взглянул на небо, чтобы взять оттуда людям что-нибудь целебное, то там, вверху, он гораздо меньше занялся бы нынешней философией, чем математикой, и его усилия увенчались бы самым счастливым и блестящим успехом. Тогда ему могло бы придти на ум спросить: «Скажите мне, превосходные, что лучше – душа или телесное? Что для вас важнее – нутация земной оси или колебание ваших мнений и наклонностей. Что для вас нужнее – устойчивость Солнечной системы или укрепление ваших основных законов и нравов? От чего вы больше страдаете – от пертурбаций ли планет или от возмущений в ваших государствах? И если математика является столь превосходным орудием ваших исследований, то почему же вы не попытаетесь применить ее к тому, что является для вас самым важным и самым нужным? Или, если математика находится у вас в таком уважении, что вы склонны предпочитать ее всем остальным наукам, то почему же вы осудили ее на обработку предметов, которые или так далеко отстоят от вас, что едва возбуждают любопытство немногих ученых, или же настолько близко касаются ваших чувственных потребностей и желаний, что занятие ими чуть ли не сводится на степень ремесла?» Если бы Сократ задал такой вопрос, то захотелось бы нам ему ответить, что ведь математика работает даже в наших арсеналах и перед насыпями осажженных городов, что она научает нас не только оживлять промышленность, но и разрушать ее? Однако мы не могли бы решиться отдать себя в жертву насмешкам человека, столь известного своей иронией. А какую сеть вопросов запутал бы он нас, и как искусно стал бы он выводить нас из нашего обычного способа представления, кто, милостивые государи, мог бы решиться изобразить это? По крайней мере я не решаюсь, тем более, что меня ближе интересует нечто другое, чем то, как Сократ стал бы удивляться нашему ограниченному применению математики. Именно, мне не безызвестно, что моя попытка применить математику в психологии вызвала удивление, и что это удивление недавно снова было возбуждено изданным мною сочинением *De attentionis mensura causisque primariis*. Чем меньше число читателей произведения, занимающегося запутанным дифференциальным уравнением, тем более должен я быть готов к тому, что при этом будут удивляться, не заботясь ближе о деле. Поэтому я решился хоть раз представить на другом языке, чем алгебраические знаки, краткий доклад о своем предприятии, начало которого относится еще к последним месяцам восемнадцатого столетия, а зародыш которого, я, собственно говоря, нашел еще раньше в фихтевской школе⁶⁰. С тех пор я занимался им, хотя с частыми и

⁶⁰ Эти слова не должны быть понимаемы в том смысле, будто у самого Фихте была мысль рассматривать психологию как часть прикладной математики. Конечно, он, как столь решительный защитник трансцендентальной свободы, был очень далек от этого. Но Фихте научил меня главным образом своими заблуждениями, и он был способен к этому потому, что в особенной степени обладал стремлением к *точности* исследования. Обладая этим стремлением и благодаря ему, каждый учитель философии становится полезным для своих учеников; преподавание же, лишенное точности, порождает в философии только

длинными перерывами, однако не теряя нити; теперь же я снова занялся им с твердым намерением не оставлять дела до тех пор, пока я смогу предоставить продолжение своей предварительной работы опытным математикам. В докладе об этом моем предприятии я представлю те мнимые основания, на которых опирается вышеупомянутое удивление. Ответив же на запросы этого удивления, я надеюсь, воспользовавшись вашим благосклонным вниманием, показать, что применение математики к психологии *возможно и необходимо*. В заключение же я сделаю краткое замечание о том, что настоящее мое исследование не ограничивается на деле одной только психологией, но имеет отдаленное отношение к физиологии и всему естествознанию.

Первое из выставляемых против меня мнимых оснований, по своей истинной природе, есть не что иное, как *старая привычка*, а по своим словам, оно примыкает к совершенно неверному утверждению. Неслыханное дело, чтобы математика применялась иначе, чем к предметам, которые или сами пространственны, или хотя бы могли быть пространственно представляемы, как, например, силы, которые возрастают и уменьшаются вместе с известным расстоянием и действия которых можно измерять или точно наблюдать. Но не видно, какую мерку мог бы всякий воспользоваться для того, чтобы сравнить и определить величину происходящего в нашем духе, сменяющегося в наших представлениях, чувствах и желаниях. Наши мысли быстрее молнии: каким образом должны мы наблюдать и описывать их путь? Человеческие причуды летучи, как ветер, расположение духа непостоянно, как погода. Кто может найти данные здесь величины, которые допускают подведение под закон математической правильности? *А где нельзя измерять, там нельзя и вычислять*; следовательно, невозможно в психологических исследованиях пользоваться математикой.

Так гласит силлогизм, составленный из привязанности к привычному и очевидной неистины. Именно (начнем с последнего), совершенно ложно, будто мы можем вычислять только там, где наперед измерили. Как раз наоборот! Каждый *гипотетически принимаемый*, даже признанный неправильным закон связи величин *может быть вычисляем*; и при глубоко скрытых, но важных предметах *должно до* тех пор испытывать гипотезы и со всею точностью исследовать при помощи вычисления вытекающие из них следствия, пока не будет найдено, какая из различных гипотез сходится с опытом. Так древние астрономы *испытывали* эксцентричные круги, и Кеплер *испытывал* эллипсис, чтобы свести к этому движения планет, именно последний сравнивал квадрат времени обращения с кубами средних расстояний, прежде чем найти соответствие. Равным образом, Ньютон *испытывал*, обратна ли тяжесть квадрату расстояний, чтобы получить движение Луны кругом Земли. Если же это предположение оказалось бы недостаточным, то он положил бы в основание другую степень расстояния – или третью, или четвертую, или пятую – и вывел бы отсюда следствия, чтобы сравнить их с опытом. В этом то именно и заключается величайшее благодеяние математики, что гораздо прежде, чем мы овладеем достаточно определенным опытом, можно обо-

фантазеров и дураков. Известно, что Фихте основой своего исследования сделал я, или, говоря другими словами, он отыскивал условия самосознания. Вследствие этого он обогатил философию одною, до тех пор неизвестною, проблемой, потому что на это раньше очень мало обращали внимания; и Кант, который считал представление я совсем бедным и пустым по содержанию, вследствие этого ложного утверждения совсем не обращал на него внимания. От Фихте, который постоянно возвращался к занятиям этим предметом и все-таки никогда не кончал их, я научился видеть, что здесь должен быть скрыт богатый и глубокий источник, открыть который, однако, можно только с помощью величайших усилий. Первым, что мне открылось, было то, что я (Ichheit) должно быть не чем-нибудь первичным и самостоятельным, но самым зависимым и обусловленным из всего того, что только можно себе представить. А вместе с этим стало ясно, что мнения Фихте являются полнейшим извращением истины и поучительным примером для тех, которые думают им воспользоваться. Вторым, что я нашел, было то, что первоначальные представления интеллигентной сущности, если только они должны *образоваться* до самосознания (потому что они, как только что сказано, могут заключать в себе *я не как нечто чуждое*), должно быть или все, или частью друг другу *противоположны*, и вследствие этой противоположности они должны *задерживаться*, однако так, что задержанные представления не пропадают, но продолжают как стремления, которые сами собой возвращаются в состояние действительного представительства, коль скоро по каким-нибудь основаниям, или целиком, или отчасти, исчезает задержка. Эта задержка могла и должна была стать предметом вычисления и вместе с этим стало ясно, что психология настолько же нуждается в математическом фундаменте, насколько и в метафизическом.

зреть возможности, в области которых где-нибудь должна лежать действительность. Поэтому можно пользоваться даже весьма неполными указаниями опыта, чтобы освободиться, по крайней мере, от грубейших ошибок. Гораздо прежде, чем прохождение Венеры перед Солнцем послужило основанием для определения солнечных параллаксов, пытались уловить миг, когда Луна наполовину освещена Солнцем, чтобы, исходя из измеренного расстояния обоих небесных тел, найти отдаленность Солнца. Это было невозможно, потому что все наши измерения времени, по психологическим основаниям, слишком грубы для того, чтобы с достаточной точностью определить требуемое мгновение. Однако вследствие этого выяснился взгляд, что Солнце должно быть удалено, по крайней мере, на две тысячи раз дальше Луны. Вот ясный пример того, что даже в высшей степени неполная оценка величин (там, где невозможно никакое строгое наблюдение) может стать весьма поучительной, если только умеют ею воспользоваться. И было ли необходимым обладать меркою для нашей Солнечной системы, чтобы в общих чертах узнать ее порядок? Разве невозможно было (возьму пример из другой области) исследовать законы движения, прежде чем в точности узнали высоту падения в секунду на определенном месте земли? Ничуть. Такие изыскания *основных мер*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.